

Казалось, ему трудно заговорить. Он замялся, поколебался полминуты, затем бросил взгляд на стоящего рядом Ань Чанцина, который молча опустил глаза, после чего умолк и тяжело вздохнул. Кому прежде доводилось видеть Бэйчжань-вана столь виноватым и смущенным? А глядя на молчаливую Бэйчжань-ванфэй, опустившую взор, ни у кого уже не оставалось сомнений. Вдовствующая императрица Чжао и императрица с самого начала именно так себе все и представляли: эти двое детей, скорее всего, были рождены наложницей Сяо Чжигэ в Яньчжоу.

Впрочем, судя по всему, теперь придется узаконить их происхождение. Появление наследников у Бэйчжань-вана так или иначе сыграет против наследного принца. Вдовствующая императрица про себя вздохнула, однако не упустила случая вставить палки в колеса Сяо Чжигэ и мягко произнесла:

— Раз так, где же их родная мать? Она родила тебе первенца и старшую дочь, это немалая заслуга, и ей полагается законный статус. Если положение матери окажется слишком низким, это лишь заставит людей свысока смотреть на детей.

Не будь эти дети рождены самим Ань Чанцином, слов вдовствующей императрицы Чжао вполне хватило бы, чтобы внести раздор между супругами. К несчастью для нее, сейчас вряд ли кто-то мог догадаться, что эти дети — действительно его родные. Ань Чанцин поджал губы, подавляя готовую вырваться улыбку, и еще ниже опустил голову, храня глубокое молчание.

Но кто бы мог подумать, что Сяо Чжигэ качнет головой и ответит:

— У детей нет матери. Чанцин — их отец.

Для вдовствующей императрицы Чжао и императрицы эти слова прозвучали так, будто Сяо Чжигэ решил избавиться от матери детей и отдать их на воспитание Ань Чанцину, законному ванфэй.

На обычно невозмутимом лице вдовствующей императрицы Чжао мелькнуло легкое удивление: она никак не ожидала, что Сяо Чжигэ поступит столь решительно.

Прежде все недооценивали Ань Чанцина, побочного сына из резиденции канцлера, считая, будто у него нет ничего, кроме красивой внешности. Однако его поступки в Ецзине и Яньчжоу в прошлом году заставили вдовствующую императрицу Чжао осознать: хотя мужчина в роли ванфэй звучал не слишком благозвучно, польза от него для Сяо Чжигэ оказалась самой что ни на есть реальной. Он был поистине редким и ценным помощником.

Искренни ли эти двое в своих чувствах или лишь притворяются, вдовствующая императрица Чжао была твердо намерена вбить между ними клин. Стоит людям отдалиться друг от друга, и они способны на любой шаг.

Она снова перебрала четки из бодхи в руках и с пониманием кивнула:

— Что ж, пусть так. Но Чанцину придется несладко. В тот день этот негодник так красиво со мной говорил, а вышло, что просто заговаривал зубы. Только ты не принимай это близко к сердцу: все-таки он императорской крови, и нет ничего страшного, если вокруг него крутятся всякие девицы. Главное, помни — его сердце принадлежит тебе.

Каждое из этих слов было нацелено прямо в сердце Ань Чанцину, словно удар ножа. Насколько искренними казались их клятвы в этом дворце тогда, настолько же иронично все звучало теперь.

Вот только Ань Чанцин ничуть не опечалился, ему даже стало немного смешно.

Он изо всех сил сдерживал уголки губ, стоя на коленях подле Сяо Чжигэ, и кротко отозвался, похожий на потерявшую душу марионетку.

Автор хочет сказать:

Сунсун: «А я ведь тоже неплохо играю!» (гордо)

Но-но: «??? Ты что, тайком ходил на курсы актерского мастерства?»

Увидев это, вдовствующая императрица Чжао осталась вполне довольна. Она обменялась взглядом с императрицей, дала молодым еще несколько ласковых наставлений и, сославшись на головную боль и усталость, поднялась и удалилась. Оставшаяся императрица встала, сошла вниз и с улыбкой на лице лично помогла подняться молчаливому Ань Чанцину:

— Хорошее дитя, вставай. Его Величество в обеденный час изволит пожаловать ко мне во дворец. Ступайте вместе со мной и возьмите детей, пусть Его Величество порадует на внука и внучку.

Ань Чанцин подчинился и тихо ответил:

— Слушаюсь.

Императрица с видом заботливой матери велела Ань Чанцину идти рядом с ней впереди, тогда как Сяо Чжигэ и кормилицы с детьми на руках следовали за ними.

Хотя Ань Чанцин шел рядом с императрицей, он беспрестанно смотрел под ноги, выглядя удрученным и подавленным. Куда только делся тот пылкий юноша, что некогда горячо спорил во дворце с вдовствующей императрицей ради Сяо Чжигэ! Императрица вскользь глянула на хмурого Сяо Чжигэ позади, подавила нарастающее торжество и ласково обратилась к Ань Чанцину:

— Ах, дитя мое, ты еще слишком молод и принимаешь чувства чересчур близко к сердцу. Императорский род — это вам не простые сословия, разве может здесь быть одна любовь на всю жизнь? Но теперь все сложилось как нельзя лучше: у Чжигэ появились наследники, а ты, законный ванфэй, возьмешь их на воспитание. Так у тебя появятся законный сын и законная дочь, и твоя будущая жизнь будет устроена.

Выражение лица Ань Чанцина несколько раз менялось; лишь спустя долгое время он прикусил губу и тихо вымолвил:

— Благодарю за наставление, матушка-императрица. Чанцин всё понимает.

Императрица отчетливо разглядела досаду и обиду на его лице, отчего пришла в еще больший восторг. Она не удержалась и подлила масла в огонь:

— Даже от женщины, управительницы дома, требуют великодушия и отсутствия ревности, а ты — мужчина, и тебе тем более надлежит проявлять широту души. Если в будущем в поместье войдут новые люди, не печалься слишком сильно. Запомни: сколько бы их ни стало, именно ты — законно сочетанный браком ванфэй. И если он посмеет позволить новичкам обидеть тебя, смело приходи ко мне за защитой.

Ань Чанцин: «...» Не будь это лишь спектаклем, он бы прямо-таки расчувствовался от такой «материнской» заботы императрицы.

Оглянувшись на Сяо Чжигэ, Ань Чанцин уныло пробормотал:

— Понимаю...

Тем временем группа уже подошла к покоям императрицы. Она многозначительно похлопала его по тыльной стороне ладони:

— Впредь не стесняйся своей матери.

Вскоре после того, как они вошли во внутренние покои, прибежал евнух с известием: император Аньцин прибывает с минуты на минуту. Императрица приказала слугам подавать обед. Едва придворный приказ поваров доставил кушанья, прибыл паланкин императора Аньцина, и все трое вышли встречать его.

Император Аньцин сегодня пребывал в превосходном расположении духа, даже его обычно болезненно-желтое лицо выглядело посвежевшим. Завидев Сяо Чжигэ и Ань Чанцина, он улыбнулся:

— Где дети? Поскорее покажите Мне внука и внучку! Двойня из мальчика и девочки — редкое благословение.

На лице обойденной вниманием императрицы на мгновение застыла улыбка, но она тут же вернула себе благосклонный вид и поспешила следом:

— На улице поднялся ветер, поэтому я не велела кормилицам выносить детей. Они сейчас во внутренних покоях.

Император Аньцин, не останавливаясь, прошел в покои. Увидев детей на руках у кормилиц, он взмахом руки освободил тех от поклона и велел личному старшему евнуху поднести младенцев поближе. Малыши уже проснулись и, сидя на руках у кормилиц, с любопытством озирались по сторонам круглыми глазками, не плача и не капризничая — послушные и тихие.

Старший евнух похвалил:

— Рождение двойни — благой знак, не диво, что они так хороши собой!

Брат и сестра унаследовали лучшие черты обоих отцов, оба выросли милыми и изящными. Едва взглянув на них в младенчестве, становилось понятно: когда вырастут, станут писаными красавцами.

Император Аньцин, казалось, души не чаял в малышах и даже взял Сяо Аньхэна на руки и немного подержал. Лишь отыграв сполна роль любящего дедушки, он передал ребенка евнуху и словно невзначай произнес:

— Я слышал, эти дети будут воспитываться под опекой ванфэй? Коли так, стоит как можно скорее официально утвердить их статус. Дабы в будущем никто не смел смотреть на них свысока.

Едва он договорил, как один из евнухов вышел вперед с императорским указом для зачтения — очевидно, все было подготовлено заранее.

— Старшему сыну Бэйчжань-вана, Сяо Аньхэну, даровать второе имя Ичжан и возвести в достоинство шицзы; старшей дочери, Сяо Аньчжу, пожаловать титул Ичжу и возвести в достоинство цзюньчжу Ичжу.

Помимо этого, последовало множество щедрых пожалований. Тот самый старший евнух, которого в прошлый раз осадил Сяо Чжигэ, с лучезарной улыбкой свернул указ и преподнес его Сяо Чжигэ:

— Его Величество бесконечно благоволит маленькому шицзы и маленькой цзюньчжу. Князю и ванфэй следует почаще приводить их во дворец.

Сяо Чжигэ принял указ и выразил благодарность, его лицо при этом практически не изменилось. А вот стоящая неподалеку императрица сжала ладони до крови, еле сдерживаясь, чтобы не сорваться прямо на месте.

Опасения императора в отношении семьи Чжао и наследного принца теперь открыто выставили напоказ. Подумать только, эти дети совсем еще младенцы, а император устроил столь пышное пожалование прямо в ее дворце! Даже законные сыновья и дочери наследного принца не удостаивались подобной милости — это было явной, публичной пощечиной ей, императрице.

Когда эта весть разнесется повсюду, неизвестно, сколько людей вновь станут выжидать и пристально следить за отношением императора!

Сердце императрицы исходило кровью от ненависти, однако ей оставалось лишь сквозь зубы выжать из себя улыбку:

— Все верно. Я тоже всей душой полюбила этих крошек, так что непременно приводите их во дворец почаще.

Сяо Чжигэ и Ань Чанцин склонили головы в согласии, отобедали во дворце императрицы и лишь после этого покинули дворец.

Вместе с ними дворец покинули и евнухи, несшие щедрые дары. В тот же день всему Ецзину и каждому знатному роду стало известно: император осыпал милостями двоих детей Бэйчжань-вана. И Бэйчжань-ван, долгое время находившийся в немилости у императора, казалось, вновь возвращал себе расположение государя.

Придворные, успевшие заранее примкнуть к одной из фракций, разумеется, были в смятении и досаде. Видя, как стремительно набирает силу Бэйчжань-ван, они лишь жалели, что поторопились с выбором, ведь иначе могли бы переметнуться к нему. Были, конечно, и те, кто здраво оценивал ситуацию: они понимали, что император лишь использует Бэйчжань-вана для давления на наследного принца и третьего принца. Кому в итоге достанется престол — предсказать было трудно, но опрометчивый выбор стороны гарантированно не сулил ничего хорошего. Поэтому они предпочли не принимать ничью сторону и делать вид, будто ничего не замечают.